

А.И. Мелешкина¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ

Статья посвящена анализу причин проблемы гендерного неравенства и ее последствий для экономического развития. В качестве объекта исследования выступают гендерные различия в следующих характеристиках экономического поведения: альтруизм, восприятие риска и отношение к конкуренции. На основе проведенного эконометрического анализа выявлено наличие взаимосвязи между степенью гендерного неравенства и распространенными в обществе представлениями о гендерных ролях. Кроме того, рассмотрены способы измерения причин и следствий гендерного неравенства. Выводы, сделанные в статье, могут использоваться в качестве рекомендаций по методике институционального проектирования гендерной политики как на страновом, так и мировом уровне.

Ключевые слова: гендерный институционализм, экономическое поведение, политика гендерного равенства, восприятие риска, альтруизм, отношение к конкуренции, социальные институты, гендерные роли.

A.I. Meleshkina,

Moscow State University (Moscow, Russia)

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF GENDER DIFFERENCES IN ECONOMIC BEHAVIOR

The article addresses the causes of gender inequality and its implications for economic development. The objects of this research are such gender differences in economic behavior as altruism, risk perception and attitude to competition. The undertaken econometric analysis reveals the correlation between the degree of gender inequality and current public assumptions about gender roles. Moreover, the article considers possible ways to measure the causes and effects of gender inequality. Conclusions of this research can be used as recommendations for institutional design of gender policy both at global and national level.

Key words: gender institutional economics, economic behavior, gender policy, risk perception, altruism, attitude to competition, social institutions, gender roles.

Введение

Решение проблемы гендерного неравенства требует разработки целого комплекса мер, необходимость и применимость которых широко обсуждаются в мировой политике. Организация Объеди-

¹ Мелешкина Анна Игоревна, аспирант кафедры прикладной институциональной экономики экономического ф-та; тел.: +7 (925) 365-56-02; e-mail: ann.meleshkina@mail.ru

ненных Наций, Международная организация труда, Женевские конвенции уделяют вопросу гендерного неравенства особое внимание, так как применение дискриминирующих практик имеет глобальные последствия.

Негативное влияние гендерного неравенства проявляется в снижении уровня человеческого и социального капитала, в неэффективном распределении ресурсов из-за ограниченного доступа женщин к рынку труда и правам собственности. Учитывая масштаб проблемы гендерного неравенства, необходимо максимально четко представлять ее причины в рамках как мирового сообщества, так и каждой страны. Для этого используется ряд индикаторов гендерного неравенства (Gender-Related Development Index, Gender Empowerment Measure, Global Gender Gap Index), однако ни один из них не является эффективным показателем. Из-за непонимания причин существующей проблемы допускаются ошибки в политике гендерного равенства, которые создают неверные социально-экономические стимулы для принятия индивидуальных и коллективных решений, что выражается в формировании еще более дискриминирующих законов и практик. Необходимо помнить о том, что причины макроэкономических проблем кроются в том числе и на микроуровне, в организации домашнего хозяйства и индивидуальных предпочтениях, которые формируются в определенной институциональной среде.

Вопрос природы гендерных норм в рамках институциональной экономики изучается в зарубежной литературе как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. А. Дженнингс, А. Мэйхью и В. Даггер продолжают научную традицию Т. Веблена, рассматривая гендерные нормы в качестве индикаторов общественного развития, затрагивающего культурные и религиозные традиции страны [Jennings, 1993, p. 111–130; Mayhew, 1999, 279–485; Dugger, 1996, p. 287]. Среди работ представителей гендерного институционализма выделяются исследования П. Мартина, в которых фундаментальные принципы экономики сочетаются с методами социологии [Martin, 2004, 1249–1273]. Гендерная социализация, определяющая существующие в обществе представления о гендерных ролях, описана в работах Н. Фолбре [Folbre, 1994, p. 335], Д. Элсона [Elson, 1999, p. 611–627] и Б. Харрис-Уайта [Harriss-White, 2000, p. 235–252].

Значительная часть зарубежных исследований посвящена выявлению гендерных различий в экономическом поведении с использованием методов социологии и психологии. Й. Алган, П. Каю, М. Крук и Ф. Макей на основе анализа данных социологических опросов и региональных статистических сборников доказывают, что существует влияние политических и социальных практик на общественные представления о ролях мужчины и женщины [Algan,

Cahuc, 2007, p. 46; Krook, Mackay, 2011, p. 1–21]. Популярными методами изучения гендерных различий являются полевые эксперименты и анкетирование, что подтверждают работы П. Агенора и М. Монтиеля [Agenor, Montiel, 1996, p. 816], С. Сегуино и М. Флоро [Seguino, Floro, 2003, 147–166], М. Пауэлла и Д. Ансича [Powell, Ansic, 1997, 605–628]. Для научных работ в области гендерной экономики характерен междисциплинарный подход, что сказывается на строгости предпосылок экономической теории, однако позволяет объяснить конкретные социально-экономические явления.

В отечественной науке гендерный фактор в экономике рассматривали Е. Здравомыслова и А. Тёмкина. В их работах проводится анализ этапов развития гендерных исследований в советский и постсоветский периоды и подчеркивается их междисциплинарный характер [Здравомыслова, Тёмкина, 2000, с. 15–24; 2002, с. 33–51]. Работы Е. Мезенцевой касаются анализа гендерного фактора в поведенческой экономике, а также статистического анализа гендерной дифференциации в разрезе регионов и отраслей [Мезенцева, 2003, с. 50–72; 2007, с. 187–219]. Блок работ И. Калабихиной выявляет необходимость гендерного равенства для инновационного развития российской экономики, описывает существующие в современной России гендерные стереотипы в сфере образования и на рынке труда [Калабихина, 2011, с. 146–163]. Исследования Н. Римашевской посвящены рассмотрению гендерных стереотипов с точки зрения их влияния на человеческий капитал России [Римашевская, 2000, с. 6–16].

Индикаторы уровня гендерного неравенства и его причин

Измерение масштаба гендерного неравенства проводится двумя основными методами — выявления причин гендерного неравенства и измерения его последствий. На межстрановом уровне сопоставимыми индексами являются индекс развития с учетом неравенства полов (Gender-Related Development Index — GDI), показатель степени реализации прав женщин (Gender Empowerment Measure — GEM), мировой индекс гендерного неравенства (Global Gender Gap Index) и индекс равенства полов (Gender Equity Index). Перечисленные показатели отражают различия в благосостоянии мужчин и женщин и свободы их деятельности, фокусируясь на конкретных результатах гендерной дискриминации. Однако заострение внимания только на результатах не позволяет выявить причины неравенства полов. По своей сути гендерное неравенство является совокупностью человеческого поведения, индивидуальных представлений и общих верований. Таким образом, институты определяют предпочтения агентов и создают образцы их поведения. С гендерными во-

просами непосредственно связаны социальные институты, которые имеют долгосрочный характер норм, ценностей и кодексов поведения. Своё выражение социальные институты, связанные с гендерным неравенством, находят в традициях, ценностях и культурных практиках, неформальных и формальных нормах. Тогда причины гендерного неравенства необходимо искать в нормах, которые определяют распределение власти между мужчинами и женщинами в сфере семьи, экономической сфере и общественной жизни.

С точки зрения прав человека существуют три меры, определяющие то, какое место женщины занимают в обществе, — индекс политических прав женщин (WOPOL), индекс экономических прав женщин (WECON) и индекс социальных прав женщин (WOSOC) [CIRI Human Rights Data Project, 2011, p. 3–28]. Эти ежегодные показатели отражают наличие и гарантированное исполнение международно признанных прав женщин. На основе индексов делаются выводы о проблемных в отношении гендерного равенства институтах, а также о последствиях их функционирования. WOSOC является наиболее информативным индексом социальных отношений и практик [Bjornskov et al., 2007, p. 7–9]. Тем не менее он не позволяет различать конкретные аспекты социальных институтов. Например, важно отличать то, что происходит в семье, от того, что происходит в общественной и социальной жизни. Кроме того, все три индекса могут принимать только четыре значения: от 0 (нет прав) до 3 (гарантия и соблюдение прав), что создает трудности для сравнительного анализа и ранжирования стран.

Более удобным в использовании является индекс социальных институтов и гендера (Social Institutions and Gender Index — SIGI). Он составлен на базе данных ОЭСР «Gender, Institutions and Development». Конструкция индекса представляет собой пять субиндексов, характеризующих конкретные социальные нормы и практики, отвечающие за разные аспекты гендерного неравенства: семейный кодекс (Family Code), гражданские свободы (Civil Liberties), личная неприкосновенность (Physical Integrity), предпочтения сыновьям (Son Preferences) и права собственности (Ownership Rights) [Social Institutions..., 2012]. Комплексно указанные субиндексы выявляют институты, которые вносят вклад в ухудшение положения женщин. SIGI дает возможность проследить, какие именно социальные институты имеют провалы в проектировании и приводят к гендерной дискриминации.

По SIGI проведены две волны измерений (2009 и 2012 гг.) в странах, не являющихся членами ОЭСР. Этот индекс дает представление о проблемных институтах и остается значимым даже при включении контрольных переменных региона, религии и уровня экономического развития [Branisa et al., 2010, p. 14–18]. В данной статье будет использован SIGI-2009 для сопоставимости временных показателей.

Как упоминалось выше, SIGI состоит из ряда субиндексов.

Субиндекс *Family Code* относится к сфере частной жизни и связан с институтами, которые влияют на принятие решений в рамках семьи, переговорную силу женщин в домашнем хозяйстве. В состав *Family Code* входят:

— *Parental Authority* — родительские права, отражающие право женщины быть опекуном ребенка во время брака и после развода;

— *Inheritance* — наследование на основе формального права наследования супругов;

— *Early Marriage* — ранний брак (измеряется процентом девушек от 15 до 19 лет, которые состоят/состояли в браке);

— *Polygamy* — распространенность полигамии в обществе (странам, в которых эта информация недоступна, присваивались баллы на основе семейного законодательства).

Civil Liberties охватывает показатели свободы передвижения и свободы одежды:

— *Freedom of Movement* характеризует возможность женщины свободно передвигаться за пределами дома;

— *Freedom of Dress* основан на обязательстве женщин использовать вуаль или паранджу для покрытия части своего тела в общественных местах.

Physical Integrity включает различные показатели, касающиеся насилия в отношении женщин:

— *Violence against Women* свидетельствует о существовании законов против насилия в семье, сексуального насилия или изнасилования и сексуального домогательства;

— *Female Genital Mutilation* измеряется процентом женщин, которые подвергались женскому обрезанию.

Ownership rights охватывает экономическую сферу и описывает доступ женщин к трем типам собственности:

— *Women's Access to Land* — право иметь в собственности землю;

— *Women's Access to Bank Loans* — возможность женщин брать кредит;

— *Women's Access to Property Other than Land* — права собственности на иные виды собственности.

Son Preferences — показатель вторичного соотношения полов, который отражает факт выборочных аборт после определения пола ребенка на ранних сроках беременности.

Все субиндексы принимают значения от 0 до 1, где 0 — отсутствие или очень низкий уровень гендерного неравенства, 1 — высокий уровень неравенства. SIGI-2009 учитывает все субиндексы в равной мере.

По результатам SIGI-2009 среди 102 стран, наименьший уровень гендерного неравенства, связанный с социальными институтами,

наблюдается в Парагвае, Хорватии, Казахстане, Аргентине и Коста-Рике. Низшие позиции в рейтинге занимают Судан, Афганистан, Сьерра-Леоне, Мали и Йемен. Различия в субиндексах между странами являются систематическими, на основе чего выделяются квантили стран по уровню гендерного неравенства [Branisa et al., 2010, p. 18–19].

Представления о гендерных ролях и экономическое поведение

Идея данной статьи заключается в проверке гипотезы о влиянии институциональной среды на механизм принятия индивидуальных решений с учетом гендерного фактора. Однако важной задачей исследования является не просто обоснование зависимости характеристик экономического поведения от институциональной среды, а объяснение механизма восприятия индивидом социальных норм через формирование стереотипов, представлений о гендерных ролях. SIGI — оптимальный показатель, отражающий состояние формальных и неформальных норм, социальных практик в каждой стране. Этот индекс поддается сопоставлению и имеет метрическую, а не номинальную шкалу, позволяет проводить дисперсионный анализ.

В качестве характеристик экономического поведения в ходе принятия решений выбраны склонность к риску, отношение к альтруизму и готовность к конкуренции. Для выявления перечисленных поведенческих характеристик использованы данные исследования World Values Survey (WVS), волна 2005–2008 [WVS 2005 Wave..., 2011]. Выборка сформирована по 21 стране, не входящей в ОЭСР (табл. 1). Такой выбор обусловлен тем фактом, что данные регионы демонстрируют наибольший гендерный разрыв в оплате труда [The Global Gender Gap Report, 2009, p. 27–29]. Кроме того, это необходимо для сопоставимости данных WVS и SIGI-2009.

Следует напомнить, что за характеристиками экономического поведения стоят убеждения и представления о том, что ожидает общество от женщины и мужчины. Гендерные стереотипы являются образцами поведения, отклонение от которых, как правило, вызывает неодобрение общества. Один и тот же стереотип может по-разному влиять на индивидуальные решения мужчин и женщин (табл. 2, 3). Выделяют традиционные стереотипы: женщина-домохозяйка, а мужчина — кормилец и глава семьи — и отклонения от традиционных гендерных ролей: женщина-карьеристка, женщина-растительница, мужчина-альфонс и т.д. [Ickes, 1993, p. 79].

Для измерения склонности к риску, альтруизму и конкуренции использовалась степень согласия со следующими утверждениями WVS:

Показатели гендерного неравенства исследуемых стран

Страна	Wage equality for similar work 2009* Из 134 стран	Estimated earned income 2009** Из 177 стран	Family Code	Civil Liberties	Physical Integrity	Son Preference	Ownership Rights
Аргентина	0.57 (106)	0.56 (71)	0.0486361	0	0.1287797	0	0
Бразилия	0.52 (114)	0.56 (69)	0.0689011	0	0.298769	0	0
Буркина-Фасо	0.81 (5)	0.66 (28)	0.5393882	0	0.6309179	0	0.3450181
Вьетнам	0.74 (23)	0.71 (16)	0.032424	0	0.3863392	0	0
Гана	0.77 (15)	0.71 (15)	0.3662139	0	0.3957452	0	0.5222482
Грузия	0.82 (3)	0.33 (119)	0.0648481	0	0.3863392	0	0
Замбия	0.76 (19)	0.54 (76)	0.6919716	0	0.3863392	0	0.6847302
Индия	0.66 (72)	0.32 (121)	0.6065527	0.598761	0.1699892	0.75	0.5222482
Индонезия	0.72 (36)	0.46 (98)	0.3540548	0.598761	0.3936178	0	0
Кипрай	0.71 (45)	0.65 (35)	0.004053	0	0.298769	1	0
Мали	0.74 (26)	0.66 (32)	0.7973498	0	0.9709072	0	0.3450181
Марокко	0.60 (91)	0.25 (129)	0.2627905	0	0.1287797	0.25	0.3450181
Молдова	--	0.63 (41)	0.0470149	0	0.2163499	0	0
Россия	0.66 (68)	0.63 (40)	0.1402772	0	0.1287797	0	0
Руанда	--	0.74 (5)	0.3297368	0	0.5151189	0	0.6847302
Танзанд	0.76 (17)	0.62 (43)	0.1564892	0	0.1699892	0	0
Тринидад и Тобаго	0.67 (66)	0.47 (96)	0.1516949	0	0.1699892	0.25	0
Украина	0.64 (77)	0.58 (63)	0.0405301	0	0.2163499	0	0
Уругвай	0.50 (119)	0.57 (65)	0.0526891	0	0.2163499	0	0
Эфиопия	0.64 (79)	0.61 (51)	0.3272618	0	0.7742441	0	0.6780117
ЮАР	0.67 (67)	0.45 (102)	0.4232618	0.298076	0.2163499	0	0.3450181

* [The Global Gender..., 2009]. ** [Human Development..., 2009].

- 1) для меня важны приключения и риск;
- 2) для меня важно помогать окружающим меня людям;
- 3) конкуренция — это хорошо.

В качестве индикаторов гендерных стереотипов, господствующих в обществе, принимались согласие/несогласие со следующими утверждениями:

- 1) *Housewife* — роль домохозяйки приносит женщине удовлетворение;
- 2) *Politc* — мужчины являются более успешными политическими лидерами, чем женщины;
- 3) *Business* — мужчины больше преуспевают в ведении бизнеса по сравнению с женщинами;
- 4) *University* — обучение в университете более важно для мальчика, чем для девочки;
- 5) *Rights* — равноправие мужчин и женщин является необходимым условием демократии;
- 6) *Divorce* — развод всегда оправдан;
- 7) *Abort* — аборт всегда оправдан;
- 8) *Beat* — для мужчины избивание жены оправданно.

В рамках анализа сохранена формулировка вопросов в соответствии с методологией WVS. Степень согласия с утверждениями в рамках WVS оценивалась по разным шкалам. Для однородности представления данных и последующей обработки все ответы были приведены к двухбалльной шкале (согласен/не согласен).

Для доказательства неодинакового воздействия гендерных стереотипов на экономическое поведение мужчин и женщин был использован метод построения таблиц сопряженности и теста хи-квадрат с использованием программы SPSS Statistics 17.0; критический уровень значимости стандартизованных остатков 1,65, уровень значимости $p < 0,05$.

В табл. 2 и 3 поставлен знак «+», если выполняется утверждение: среди индивидов, имеющих/не имеющих данные стереотипы, выше, чем в среднем по выборке, удельный вес склонных/не склонных к риску/альтруизму/конкуренции. Иными словами, данные таблиц выявляют наличие групп индивидов с характерными представлениями о гендерных ролях и соответствующим типом экономического поведения.

Например, женщина, уверенная в удовлетворенности ролью домохозяйки, не склонна к риску и конкуренции. Мужчины, признающие в женщине домохозяйку, не склонны к альтруизму. Таким образом, один и тот же стереотип связан с разными факторами экономического поведения мужчин и женщин.

Убеждения в том, что основная роль женщины — домохозяйка, представление о мужчинах как о более успешных политиках и биз-

Соотношение представлений о гендерных ролях и склонность к риску, конкуренции и альтруизму (женщины)

<i>Согласна с утверждениями</i>						
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна
Housewife	+	-	+	-	-	-
Politic	-	-	-	-	-	-
Business	-	+	-	-	-	-
University	-	+	+	-	-	-
Rights	-	-	-	-	-	-
Divorce	+	-	+	-	-	-
Abort	-	-	+	-	+	-
Beat	-	+	+	-	+	-
<i>Не согласна с утверждениями</i>						
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна
Housewife	-	+	-	-	+	-
Politic	-	-	-	-	+	-
Business	+	-	-	-	-	-
University	+	-	-	-	-	-
Rights	-	+	+	-	+	-
Divorce	-	+	-	-	-	-
Abort	-	-	-	-	-	-
Beat	+	-	-	-	-	-

Источники: составлено автором на основе исследования World Values Survey 2005—2008.

Соотношение представлений о гендерных ролях и склонность к риску, конкуренции и альтруизму (мужчины)

<i>Согласен с утверждениями</i>						
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен
Housewife						
Politic	-	+				
Business	-	+	+	-		
University	-	+	+	-		
Rights	+	-		+		
Divorce			+			
Abort	-	+	+			
Beat	-	+	+			
<i>Не согласен с утверждениями</i>						
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен
Housewife					+	-
Politic	+	-				
Business	+	-				
University	+	-	-			+
Rights	-	+		-	+	
Divorce						+
Abort		-	-			+
Beat	+	-	-			+

Источник: составлено автором на основе исследования World Values Survey 2005–2008.

несменах относятся к традиционным гендерным ролям. Убеждения в том, что высшее образование более значимо для мальчиков, равноправие полов не является необходимым для демократии, оправдание разводов, аборт и домашнего насилия говорят об искажении гендерных ролей, выполняемых мужчинами и женщинами в повседневной жизни.

Описанные гендерные стереотипы формируются под влиянием институциональной среды: формальные и неформальные нормы ограничивают выбор и варианты поведения индивидов. Данная позиция объясняется в теории стереотипов П. Рикёра [Ricoeur, 1990, p. 11–16]: появившись стихийно, стереотипы подвержены изменениям в ходе исторического и культурного развития общества, а формальные нормы и социальные практики выступают в роли основных источников их изменений. Учитывая то, что гендерное законодательство имеет международно признанные стандарты, влияние стереотипов на формальные нормы должно быть минимальным (так как законодательные акты разрабатываются международными организациями, а не единолично представителями стран, подверженными стереотипам). Проблема подверженности стереотипам чиновников может решаться гендерным квотированием числа женщин в парламенте, как это было сделано в Руанде. Не стоит забывать, что в большинстве стран страдает не содержание законодательных актов, а мониторинг их исполнения. В представленной статье реализуется идея первичности стереотипов по отношению к характеристикам экономического поведения. Поскольку теория П. Рикёра говорит о том, что поведение людей соответствует их убеждениям, то отношение к риску, альтруизму и конкуренции также формируется под действием стереотипов. Идея П. Рикёра о первичности убеждений человека подтверждается другими исследователями [Eagly et al., 2000, p. 470], которые обосновывают в том числе и использование формальных норм для изменения стереотипов. В рамках данной работы проводится поиск методов решения проблемы гендерного неравенства, и в таком случае одним из возможных инструментов изменения патриархальных стереотипов является законодательная база. Обратная зависимость формальных норм от стереотипов отходит на второй план, иначе изменение последних во времени стало бы невозможным. Для выявления характера воздействия социальных институтов на представления о гендерных ролях в обществе в представленной статье используется метод дисперсионного анализа.

Дисперсионный анализ — анализ изменчивости признака под влиянием каких-либо контролируемых переменных факторов. Обобщенно задача дисперсионного анализа состоит в том, чтобы из общей вариативности признака выделить три частные вариативности:

- вариативность, обусловленную действием каждой из исследуемых независимых переменных;
- вариативность, обусловленную взаимодействием исследуемых независимых переменных;
- вариативность случайную, обусловленную всеми неучтенными обстоятельствами.

Вариативность, обусловленная действием исследуемых переменных и их взаимодействием, соотносится со случайной вариативностью. Показателем этого соотношения является F-критерий Фишера (частное от деления факториальной дисперсии на остаточную). Метод однофакторного дисперсионного анализа применяется в тех случаях, когда исследуются изменения резульативного признака (зависимой переменной) под влиянием изменяющихся условий или градаций какого-либо фактора. Расчеты начинаются с расстановки всех данных по столбцам, относящимся к каждому из факторов соответственно. Следующим действием становится нахождение сумм значений по столбцам (т.е. градациям) и возведение их в квадрат. Фактически метод состоит в сопоставлении каждой из полученных и возведенных в квадрат сумм с суммой квадратов всех значений, полученных во всем эксперименте. Программа SPSS Statistica 17.0, помимо критерия Фишера, позволяет получить итоговую таблицу с указанием значимости стандартизованных остатков и понять, какие группы значимо различаются по заданному признаку. Кроме того, предоставляется графическая интерпретация результатов, на основании которой можно сделать выводы о зависимости степени согласия с утверждениями от субиндексов SIGI. Стоит отметить, что в том случае, когда объясняющая переменная имеет метрическую, а зависимая переменная — ранговую шкалу, дисперсионный анализ также возможен (оси не стоит рассматривать в привычном контексте: в данном случае по оси ординат — объясняющая переменная, по оси абсцисс — зависимая).

В представленных ниже табл. 4 и 5 знак «+» указывает на положительную зависимость силы стереотипов (степень согласия с утверждением) от субиндексов, выступающих в качестве индикаторов уровня дискриминации в той или иной области институциональной среды. Знак «-» свидетельствует об обратной зависимости; знак «-+» — о параболической форме зависимости силы стереотипа от субиндекса.

Чем выше значение субиндекса *Civil Liberties* (что говорит о высоком уровне дискриминации в свободе передвижения и одежды), тем сильнее уверенность в удовлетворительности роли домохозяйки для женщины. Напротив, чем выше уровень дискриминации в законах о правах собственности, тем ниже уверенность женщин в удовольствии быть домохозяйкой. Высокий уровень гендерного

неравенства в законах и практиках семейного кодекса приводит к формированию у женщин искаженного стереотипа женской роли, основанного на вере в то, что мужчины — более успешные политики и бизнесмены; образование более важно для молодых людей, а не для девушек; равные права женщин и мужчин не являются необходимым условием демократии; избивание жены мужем оправданно.

Таблица 4

Взаимосвязь субиндексов SIGI и представлений о гендерных ролях (женщины)

	Family Code	Civil Liberties	Physical Integrity	Son Preference	Ownership Rights
Housewife		+	-	+	-
Politic	+				
Business	+		+		-+
University	+				
Rights	-				
Divorce					
Abort		-+			
Beat	+				+

Источник: составлено автором на основе исследований World Values Survey 2005–2008, SIGI-2009.

Поддержание описанных стереотипов характерно для склонных к риску и не склонных к конкуренции и альтруизму женщин, т.е. для нетрадиционной женской социальной роли. В таком случае в обществе исчезает система противодействия женщин чрезмерному риску мужчин. Стабильность доходов снижается, потому что, как говорилось выше, неприятие риска женщинами обеспечивает стабильность существенной части сбережений и инвестиций. Кроме того, мотив альтруизма в обществе сходит на нет. Однако женщины по-прежнему остаются несклонными к конкуренции, а значит, уровень доходов женщин не увеличивается, хотя рискованность инвестиционных решений, принимаемых женщинами, растет. В итоге гендерная дискриминация в области семейного законодательства приводит к отрицательным последствиям как конкретно для женщины (низкий доход), так и для общества в целом (нестабильные инвестиции, падение объема инвестиций в человеческий капитал, высокий уровень неравенства). Подтверждением данных закономерностей являются трудности с выплатой краткосрочных высокопроцентных микрокредитов женщинами Замбии, порождающие еще большую задолженность [Country Survey Zambia..., 2012, p. 8].

Что касается мужчин, то дискриминирующие законы семейного кодекса способствуют формированию тех же стереотипов, что

и у женщин (за исключением уверенности в успешности первых в сфере политики). Для приверженцев этих стереотипов характерно отсутствие склонности к конкуренции (в результате чего уровень доходов домашних хозяйств снижается): стереотип оправданности домашнего насилия свидетельствует о патриархальных пережитках в обществе; широко распространенный в обществе стереотип, что университеты важнее для мальчиков, обеспечивает мужчинам доступ к образованию без существенной конкуренции.

Таким образом, дискриминация в сфере семейного кодекса оказывает максимальное влияние на формирование стереотипов низкой значимости женской роли и патриархальных гендерных норм, что негативно сказывается на поведенческих установках мужчин и женщин и приводит к бедности [Yesuf, Bluffstone, 2009, p. 1030–1032]. Традиционная гендерная роль характерна для несклонных к риску и конкуренции, но альтруистичных женщин, что способствует стабильности потребительских расходов и инвестиций, росту вложений в человеческий капитал и более равномерному распределению доходов. В таком случае неприятие риска и склонность женщин к альтруизму выступают в качестве системы сдержек чрезмерной склонности мужчин к риску и их несклонности к альтруизму. Дискриминация женщин на рынке труда и ограничение свободы при принятии решений заставляет женщин отказываться от характерных для традиционной женской роли качеств и перенимать стереотипы мужского поведения, что отрицательно сказывается на доходе женщин (склонность к риску не всегда приводит к успешному инвестированию) и экономическом росте [Zilcha, 1996, p. 3–9].

Таблица 5

Взаимосвязь субиндексов SIGI и представлений о гендерных ролях (мужчины)

	Family Code	Civil Liberties	Physical Integrity	Son Preference	Ownership Rights
Housewife		+	-	+	-
Politic		+			
Business	+				++
University	+				
Rights	-	-			-
Divorce			++		
Abort			++		
Beat	+				+

Источник: составлено автором на основе исследований World Values Survey 2005–2008, SIGI-2009.

Свобода в передвижениях и в одежде женщин служит индикатором уровня барьеров для их участия в политической и экономической жизни, так как ограниченное перемещение и нормы внешнего вида сокращают возможности женщин получать доход и распоряжаться им на равных с мужчинами. В этом случае в обществе укрепляется стереотип женщины-домохозяйки, которой несвойственно строить карьеру. Кроме того, в подобном обществе мужчины убеждены в правильности принимаемых ими политических решений и не считают равноправие мужчин и женщин необходимым для соблюдения норм демократии. Данные убеждения приводят к неприятию риска и конкуренции у женщин, склонности к риску и несклонности к альтруизму у мужчин. Тогда в обществе с дискриминирующими законами гражданских прав (передвижение и одежда) существуют традиционные гендерные роли: мужчина — кормилец, женщина — домохозяйка, однако снижается женский альтруизм и перераспределение доходов по мотиву альтруизма.

Субиндекс *Physical Integrity* выступает в качестве показателя гарантии неотчуждаемых прав человека. Высокая гендерная дискриминация по этому признаку свидетельствует о резко негативном патриархате, когда права женщин и детей оказываются второстепенными по отношению к правам мужчин. В таком обществе господствует уверенность в неудовлетворительной роли домохозяйки для женщины. Это означает, что в данном случае женщины склонны к риску, мужчины и женщины не склонны к альтруизму. В результате при прочих равных в указанном обществе будут наблюдаться высокий уровень неравенства и низкие инвестиции в человеческий капитал.

Субиндекс *Son Preference* характеризует общество, где жизнь женщины ценится ниже мужской. Это подтверждается абортами, младенческой и детской смертностью. Высокое значение индикатора неравенства *Son Preference* говорит о крайней степени гендерной дискриминации в обществе, являющейся угрозой жизни населения. Однако в рассматриваемой нами выборке из 21 страны показатели *Son Preference* отличные от нуля имеют всего 4 страны (Индия, Китай, Марокко, Тринидад и Тобаго). Для них свойственны убеждения в удовлетворительности роли домохозяйки для женщины, соответственно, женщины не склонны к риску и конкуренции, а мужчины склонны к риску. В подобной среде женщина чаще подвержена абортam на ранних сроках, когда пол ребенка уже можно определить (например, в Индии, несмотря на законодательный запрет сообщать пол ребенка до его рождения, женщины определяют его нелегально и принимают решение об аборте) [Майструк, 2013]. В итоге женщины не только не оказывают сопротивление гендерной дискриминации, но и способствуют ее укреплению. Как правило,

в таких странах наблюдается низкая отдача от инвестирования в человеческий капитал девочек, так как девушки уходят в семью мужа, а традиционные представления о гендерной роли женщины не позволяют строить карьеру и быть независимой от доходов мужа.

Дискриминация в доступе к правам собственности способствует отрицательному восприятию роли домохозяйки в обществе, ведет к оправданию домашнего насилия и отрицанию стереотипа кормильца. В таких обществах семья не играет никакой роли в аккумуляровании доходов, так как высокое неравенство в правах собственности делает семейное партнерство невыгодным для женщины. Кроме того, мужчины не считают равноправие необходимым условием для демократии, из чего можно сделать вывод об укоренившихся принципах неравенства в обществе. Это подтверждает то, что отношения собственности — ключевой аспект как в экономике семьи, так и в экономике страны. Дискриминация в области прав собственности приводит к падению семейных ценностей и нетипичным для женщин склонности к риску и несклонности к альтруизму, иными словами, к расточительности. С другой стороны, мужчины в указанных обществах не склонны к конкуренции и альтруизму. Об отношении мужчин к риску нельзя сделать однозначных выводов, так как отрицание стереотипа кормильца действует на склонность к риску разнонаправленно с отрицанием необходимости равноправия для демократии. В данном случае отношение мужчин к риску будет зависеть от силы того или иного стереотипа. Таким образом, дискриминирующие формальные и неформальные нормы, гарантирующие права собственности, негативно сказываются на восприятии общих доходов семьи и их распределении. Как правило, подобная модель ведения домашнего хозяйства характерна для африканских стран, где распространен расширенный тип семьи и доходы от сельского хозяйства на душу населения низки.

Основной проблемой при выявлении причин гендерного неравенства является одновременное воздействие всех рассмотренных составляющих институциональной среды (субиндексов). Однако благодаря проведенному анализу могут быть установлены институциональные лаги, требующие первостепенного вмешательства. Так, дискриминирующие законы в области семейного законодательства и неприкосновенности личности приводят к нестабильности в экономике и снижению человеческого капитала. Следовательно, эту область законодательства необходимо пересматривать в первую очередь, иначе низкий уровень дискриминации в принятии и соблюдении остальных формальных норм может быть сведен на нет гендерным неравенством, вызванным дискриминирующим семейным кодексом и несоблюдением неотчуждаемых прав женщин.

Заключение

Проведенный анализ доказывает, что основной причиной гендерного разрыва в оплате труда и высокого уровня неравенства в обществе является дискриминирующая институциональная среда, которая способствует формированию стереотипов, далеких от традиционных представлений о роли женщины и мужчины в обществе, что приводит к распространенности высокорисковых решений, низкой конкуренции на рынке труда и падению инвестиций в человеческий капитал. В итоге общество склонно к бедности и нестабильности. Решение проблемы отсталости в экономическом развитии может лежать в сфере политики гендерного равенства, обеспечивающей баланс в степени риска, конкуренции и альтруизма принимаемых в обществе экономических решений.

Гендерные нормы действуют как асимметричный институт, поддерживая гендерную дифференциацию и формируя представления о социальных ролях мужчин и женщин. Являясь вовлеченным в систему ограничений экономического поведения, гендер как институт способствует возникновению гендерных различий в восприятии риска, альтруизма и конкуренции. Однако наряду с гендерными нормами существуют и гендерно дифференцированные институты, выступающие в роли катализаторов социально-экономического воздействия гендерных правил и убеждений. На обеспечение нейтральности таких институтов, как образование, власть и собственность, направлены меры политики гендерного равенства. Учитывая тот факт, что культурно-исторической особенностью представлений о гендерных ролях является их неоднородность и зависимость от семейных ценностей, религиозных взглядов и национальной принадлежности, необходимо комплексное институциональное проектирование во избежание гендерных перекосов. Универсальных методов сокращения уровня гендерного неравенства не существует, так как культурные нормы и традиции каждой страны могут как способствовать проводимой политике гендерного равенства, так и быть барьером для снижения гендерной асимметрии. Именно поэтому установление причинно-следственных связей на микро- и макроуровне является залогом успешной гендерной политики. В качестве дальнейшего направления исследования может быть предложено проведение эконометрического анализа с построением регрессии и выявлением силы причинно-следственных связей между показателями индивидуального дохода, дохода семьи, гендерными ролями, укоренившимися в обществе, и степенью гендерной дифференцированности институциональной среды.

Список литературы

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Институционализация гендерных исследований в России // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М., 2002.

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11.

Калабихина И. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. 2011. № 1.

Майструк Г. Запрет абортс приведет лишь к росту криминальных хирургических вмешательств // Голос столиці: сайт. 2013. Апрель. URL: http://newsradio.com.ua/rus/2013_04_09 (дата обращения: 20.04.2013).

Мезенцева Е. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? М., 2003.

Мезенцева Е. Гендерные стереотипы в представлениях православных верующих // Гендерные стереотипы в современной России / Отв. ред. И.В. Назарова, Е.В. Лобза. М., 2007.

Римашевская Н. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // Народонаселение. 2000. № 2.

Agenor P., Montiel P. Development Macroeconomics. New Jersey, 1996.

Algan Y., Cahuc P. Social Attitudes and Economic Development: An Epidemiological Approach // Institute for the Study of Labor (IZA): Website. Bonn, 2007. URL: <http://ftp.iza.org/dp2935.pdf> (last accessed data: 15.12.2013).

Bjornskov C., Dreher A., Fischer J. On Gender Inequality and Life Satisfaction: Does Discrimination Matter? // S-WoPEc: Website. 2007. URL: <http://swopec.hhs.se/hastef/papers/hastef0657.pdf> (last accessed data: 15.12.2013).

Branisa B., Ziegler M., Klasen S. The Institutional Basis of Gender Inequality // EconStor Website. 2010. URL: http://www.econstor.eu/bitstream/10419/39975/1/280_ziegler.pdf (last accessed data: 20.11.2013).

CIRI Human Rights Data Project // Humanrightsdata.org: Website. 2011. URL: <http://www.humanrightsdata.org/> (last accessed data: 10.03.2014).

Country Survey Zambia: Gender Differences in the Usage of Formal Financial Services // Making Finance Work for Africa: Website. 2012. URL: <http://www.mfw4a.org/documents-details/country-survey-zambia-gender-differences-in-the-usage-of-formal-financial-services.html?dl=1> (last accessed data: 20.02.2014).

Dugger W. Inequality: Radical Institutional Views on Race, Gender, Class and Nation. Westport, 1996.

Eagly A., Wood W., Diekmann A. Social Role Theory of Sex Differences and Similarities: A Current Appraisal. URL: <http://psycnet.apa.org/index.cfm?fa=search.displayRecord&UID=2000-03764-005>

Elson D. Labour Markets as Gendered Institutions // World Development. 1999. Vol. 27. N 3.

Folbre N. Who Pays for the Kids? Gender and the Structures of Constraint. L., 1994.

Harriss-White B. Taking Gender: Social Institutions as Regulators of Markets // *Agricultural Markets Beyond Liberalization* / Ed. by A. Tilburg, H. Moll, A. Kuyvenhoven. Dordrecht, 2000.

Human Development Report (HDR). 2009 // HDR Website. 2009. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Complete.pdf (last accessed data: 12.12.2013).

Ickes W. Traditional Gender Roles: Do They Make, and Then Break, our Relationships? // *J. of Social Issues*. 1993. Vol. 49. N 3.

Jennings A. Public or Private? Institutional Economics and Feminism // *Beyond Economic Man. Feminist Theory and Economics* / Ed. by M. Ferber, J. Nelson. Chicago, 1993.

Krook M., Mackay F. Introduction: Gender, Politics and Institutions // *Gender, Politics and Institutions: Towards a Feminist Institutionalism* / Ed. by M. Krook, F. Mackay. Basingstoke, 2011.

Martin P. Gender as Social Institution // *Social Forces*. 2004. Vol. 82. N 4.

Mayhew A. Institutional Economics // *The Elgar Companion to Feminist Economics* / Ed. by J. Peterson, M. Lewis. Cheltenham, 1999.

Powell M., Ansic D. Gender Differences in Risk Behaviour in Financial Decision-Making: An Experimental Analysis // *J. of Economic Psychology*. 1997. Vol. 18. N 6.

Ricoeur P. Time and Narrative. Chicago, 1990.

Seguino S., Floro M. Does Gender Have Any Effect on Aggregate Saving? An Empirical Analysis // *International Rev. of Applied Economics*. 2003. Vol. 17. N 2.

Social Institutions and Gender Index (SIGI) Website. Country Profiles. 2012. URL: <http://genderindex.org/countries> (last accessed data: 20.12.2013).

The Global Gender Gap Report. 2009 // The World Economic Forum: Website. 2009. URL: <http://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2009> (last accessed data: 25.12.2013).

WVS 2005 Wave Data Files // World Values Survey: Website. 2011. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp?Idioma=I> (last accessed data: 15.09.2013).

Yesuf M., Bluffstone R. Poverty, Risk Aversion, and Path Dependence in Low-Income Countries: Experimental Evidence from Ethiopia // *American J. of Agricultural Economics*. 2009. Vol. 91. N 4.

Zilcha I. Altruism, Economic Growth and Income Distribution. Baltimore, 1996.